

ИДЕЯ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

В. И. ПАВЛОВ*

В статье рассматриваются основные идеи коммуникативной концепции права профессора А. В. Полякова, а также осуществляется сравнение основных положений данной концепции с современной антропологией права. На основании краткого обзора развития русской правовой мысли автор рассматривает этап перехода юридической науки к постклассической традиции, отмечая причины и условия ее зарождения, затем исследует коммуникативную теорию права как разновидность постклассической правовой концепции, после чего производит сравнение коммуникативной теории права с современной антропологией права, которая также развивается в русле постклассической традиции.

Основные выводы исследования: 1) основной новацией коммуникативной теории права А. В. Полякова стало введение концепта «правовая коммуникация», который выполнял роль не только связующего и объясняющего звена в правовой реальности, но и ядра целого теоретико-правового аппарата; 2) главный замысел разработки коммуникативной теории права состоял в обосновании принципиальной интересубъективной природы права — права как образования, формируемого и существующего только за счет взаимодействия, взаимопонимания, согласия людей на основе общей смысловой понятности; 3) современная антропология права и коммуникативная теория права развиваются в одной методологической плоскости, однако они имеют и различия, главное из которых состоит в том, что А. В. Поляков в качестве концептуального ядра правовой теории помещает правовую коммуникацию между субъектами права, сам интересубъективный процесс, в то время как антропология права в первую очередь исследует сам субъект права, точнее, агента правового существования, которого условно можно назвать правовым человеком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская правовая мысль, коммуникативная теория права, правовая коммуникация, антропология права, субъект права, правовой человек.

Павлов Вадим Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент, начальник кафедры
теории и истории государства
и права Академии МВД
Республики Беларусь

* Pavlov Vadim Ivanovich — candidate of legal Sciences, associate professor, head of the Department of the Theory and History of State and Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

© Павлов В. И., 2014

PAVLOV V. I. THE IDEA OF LEGAL COMMUNICATION AND THE MODERN ANTHROPOLOGY OF LAW

The article deals with the basic ideas of the communicative concept of law by professor A. V. Polyakov and compares the main provisions of this concept with the modern anthropology of law. Based on a brief overview of the development of the Russian legal thought, the author considers the stage of transition of the legal science to a post-classical tradition, indicating the reasons and conditions of origins, then he studies the communicative theory of law as a form of the post-classical legal concept. After that the author compares the communicative theory of law with the modern anthropology of law which is also viewed in the context of the post-classical tradition.

The main outcomes of the research are as follows: 1) introduction of the concept “legal communication” was the main novation of A. V. Polyakov’s communicative theory of law. This concept served not only as a binding and explaining element in the legal reality, but also as a core of the theoretical and legal mechanism; 2) the main aim of developing the communicative theory of law was to substantiate the essential intersubjective nature of the law — the law as a formation which is being formed and exists only due to interaction, mutual understanding, agreement of persons on the basis of common conceptual apprehensibility; 3) the modern anthropology of law and the communicative theory of law are being developed in one methodological framework, however there are differences between them. The main difference is connected with the fact that A. V. Polyakov uses the legal communication between right holders, the intersubjective process itself as a conceptual core of the legal theory, while the anthropology of law primarily studies a right holder or, to be more precise, an agent of legal existence who can be figuratively called a legal human being.

KEYWORDS: russian legal thought, communicative theory of law, legal communication, anthropology of law, right holder, legal human being.

Введение. Юридическая наука всегда проявляла интерес не только к собственно юриспруденции, практике работы с юридическим, но и к способам осмысления этого юридического, способам мышления права и государства. История правовой мысли свидетельствует о существовании различных путей осмысления права, различных способов представления правовой реальности, одни из которых утратили свое значение, стали достоянием «археологии правовой мысли», другие, напротив, сохраняют свое значение и подвергаются все новым и новым современным актуализациям. Как бы то ни было, следует признать, что на любом этапе развития каждого общества в его недрах всегда формировался своего рода очевидный или неочевидный запрос на определенное правовое представление, которое, становясь господствующим способом осмысления и, следовательно, отношения к государству и праву, определяло пути развития юридической практики.

Восточнославянский цивилизационно-культурный регион (прежде всего, мы включаем в него Россию, Беларусь и Украину), равно как и другие цивилизационно-культурные общности, имеет свою уникальную судьбу, историю ответов на актуальные проблемы государственно-правовой жизни. Изначально история древнерусского правового дискурса, равно как и история древнерусской государственности и культуры, была тесно связана с византийской цивилизацией, от которой была воспринята религия, «вера греческая» — важнейший для эпохи Средневековья фактор социальной онтологии. И русская государственность, и русское право, особенно

в допетровский период, были фундированы восточно-христианскими цивилизационно-культурными содержаниями — соответственно, и русская правовая мысль, в чем мы убеждаемся по дошедшим до нас политико-правовым трактатам, также была ориентирована на связанность способов понимания государственно-правовой реальности православной традицией.¹ Достаточно назвать сочинения митрополита киевского Илариона, Владимира Мономаха, монаха Даниила, старца Филофея, преподобных Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и Максима Грека, полемику Андрея Курбского и царя Ивана Грозного и другие трактаты, чтобы убедиться в определяющем влиянии православной традиции на формирование русской государственно-правовой мысли. С XVIII в. Россия начинает активно усваивать уже другую, западноевропейскую юридическую интеллектуальную традицию, что выразилось в подготовке первых российских профессоров права в европейских университетах, в создании самостоятельных правовых школ по аналогу западных правовых концепций, в становлении юридической науки как социального института. Однако изначальный, базовый цивилизационно-культурный субстрат продолжал давать о себе знать и в XIX в. (полемика славянофилов и западников, философия права В. С. Соловьева и мыслителей всей софиологической линии), и в XX столетии (представители русской эмиграции). Полагаем, что проблема первичных цивилизационно-культурных оснований не чужда русскоязычной правовой мысли и сегодня.

Постоянная потребность в некоем своеобразном, уникальном понимании мира обусловлена, на наш взгляд, присущей русскому правовому сознанию глубинной интуицией, возможно, неким неотрефлексируемым чувством отличия (особенно на фоне господства западного рационального сознания) способа понимания и строения как наличного, фактического антропологического опыта, образа человека юридического, так и опыта осуществления социальных, а следовательно, и правовых отношений. Видимо, русскому философско-правовому мышлению всегда казалось недостаточно аппаратных средств римской правовой традиции, чтобы исчерпать чувство, переживание, событие существования человека в мире юридического. Предваряя здесь разговор о постклассике и коммуникативной теории права, следует сказать, что в итоге отличие и своеобразие, в некоторой степени инаковость русской правовой мысли по отношению к ставшему классическим в Новое время решению философско-правовых вопросов (картезианство и эмпиризм) оказались не случайными: именно на этапе формирования постклассической методологии на Западе во второй половине XX в. открылась новая возможность неожиданных сближений западной мысли и того формата правовых вопросов, которые ставились в досоветский период в России. В связи с этим, например, симптоматична реакция русских мыслителей эмиграции (Г. Д. Гурвича, Н. А. Бердяева и др.) на первые западные постклассические проекты. Так, в частности, Н. А. Бердяев о «Бытии и времени» М. Хайдеггера говорил, что философия немецкого мыслителя «насыщена истинами христианского откровения и христианского вероучения, она имеет теологические предпосылки... феноменологическая по форме, [она] есть *христианская метафизика без Бога* и за ней скрыта религиозная тревога» (курсив наш. — В. П.).² Думается, такая реакция была неслучайной, ведь по многим позициям постклассическая

¹ Тимошина Е. В. История русской философии права: эпоха Средневековья. Учеб. пособие. СПб., 2014.

² Бердяев Н. О новейших течениях в немецкой философии // Путь. 1930. № 24. С. 119.

мысль открыла возможность возвращения к до-новоевропейскому способу понимания правовой реальности, в том числе реабилитации религиозного дискурса, который сегодня в западной мысли играет не последнее значение (не следует забывать, что многие представители постклассической западной мысли, например, Г. Гадамер, П. Рикер, Ж.-Л. Марион, Э. Левинас и др., были открыты к работе в пространстве религиозного дискурса).³

Вообще XX в. можно назвать эпохой крушения многих очевидностей — к гуманистике, в том числе и к правовой науке, это относится не в последнюю очередь. В XX столетии на родине классической римской правовой традиции, преимущественно в Германии и во Франции, возникли первые теоретические системы и концепции, которые переосмысливали, ставили под вопрос классическое философское представление, прежде всего, новоевропейское мышление. Несмотря на традиционную замкнутость и автономность юридического научного сообщества, тем не менее, обойти стороной эти новые неклассические стили мышления было сложно. Постепенно стали появляться правовые концепции, которые по-иному пытались описать и представить правовую реальность. На Западе в правовых исследованиях стали все больше использоваться методы феноменологии, герменевтики, структурализма и постструктурализма, ведь они потенциально выступали такими же методами работы с правовой реальностью, каковыми были классический рационализм и эмпиризм, положенные в основу классических типов правопонимания (юснатурализм, позитивизм, социологизм).

В советской юриспруденции на протяжении всего периода ее существования позитивистская традиция сохраняла ведущие позиции, однако в 1990-е гг. правоведы начали открыто изучать так называемые буржуазные правовые теории, в том числе и новейшие. Лидирующие позиции по понятным причинам занимала либеральная правовая мысль в ее различных модификациях, в основном формировавшаяся на базе естественно-правовых концепций. Движение от позитивизма к либерализму теоретически, концептуально оказалось не таким уж и трудным, однако уже к концу 1990-х гг. — началу 2000-х гг. эвристический потенциал либеральных доктрин был практически исчерпан и в науке начали высказываться идеи о поиске так называемого интегрального типа правопонимания. Кроме того, более уверенно зазвучал тезис о постнеклассической рациональности, о дифференциации всех правовых концепций как минимум на классические и постклассические.⁴ Были созданы определенные предпосылки для выдвижения правовых концепций на базе ранее неизвестных юридической науке эпистемических образований. Одним из таких образований и стал концепт «правовая коммуникация». Вместе с тем, и это нужно подчеркнуть особенно, освоение западных философских систем несколько отодвинуло на задний план обращение к восточно-христианскому изводу отечественной политико-правовой традиции, не говоря уже о том, что современная социальная ситуация, состояние современного общества не способствуют этому. Данный вопрос и сегодня остается открытым. Вместе с тем на поверку оказалось, что постклассическая мысль в некотором отношении оказалась более близкой к изначальным цивилизационно-культурным основаниям русского правового дискурса, нежели классическая,

³ *Who comes after the subject?* / [edited by] Eduardo Cavada, Peter Connor, Jean Luc Nancy: [Copyright]; Printed in the USA. New York; London, 1991.

⁴ Наиболее полно и одним из первых среди теоретиков права этот вопрос освещен профессором И. Л. Честновым.

новоевропейская традиция. И именно это обстоятельство позволяет нам говорить о современной актуальности постклассической правовой мысли с позиции ее цивилизационно-культурной близости нашей традиции по сравнению с новоевропейской правовой мыслью, и о возможности в рамках этого постклассического дискурса более свободно формировать собственный способ отношения к правовой реальности.

Концепция правовой коммуникации профессора А. В. Полякова: общая характеристика и значение. Одним из первых теоретиков права, приступивших к созданию подобной концепции, стал профессор Санкт-Петербургского государственного университета Андрей Васильевич Поляков, капитальные итоговые работы которого увидели свет в начале 2000-х гг. Основной новацией ученого стало введение концепта «правовая коммуникация», который выполнял роль не только связующего и объясняющего звена в правовой реальности, но и плавильного тигля, ядра целого теоретико-правового аппарата. Для многих теоретиков права, особенно представителей юридического позитивизма, обоснование такой правовой концепции было неожиданностью, поскольку ничего подобного со времен, пожалуй, Л. И. Петражицкого в среде юристов не появлялось.

Идея правовой коммуникации была разработана А. В. Поляковым на основе восприятия положений западных исследователей-феноменологов и теоретиков коммуникации. Известный курс лекций⁵ Андрея Васильевича отличался крайней глубиной и широтой проработки каждого вопроса, примечания, в которых автор в сжатом виде фактически знакомил читателя с целыми философскими и юридическими концепциями, нередко занимали большую часть страницы по отношению к основному тексту. Сам по себе такой способ изложения материала говорил о том, что автор решает несколько задач: во-первых, он раскрывает философско-правовой контекст коммуникативной теории права; во-вторых, он показывает сложность и методологическую неоднозначность, казалось бы, известных и устоявшихся вещей в рамках общеправовой теории; в-третьих, он осуществляет интерпретацию, причем показывая все условия и ход ее осуществления. Конечно, такое учебное издание не могло не быть сложным для усвоения не только студентами, но и преподавателями общей теории права в ее традиционном виде. Вместе с тем обоснование коммуникативного подхода к праву фактически являлось обоснованием нового описательного языка правовой реальности вне рамок классического правового представления, поэтому сложность издания была оправданна.

В чем заключался основной замысел автора относительно обоснования концепта «правовая коммуникация»? На наш взгляд, А. В. Поляков пытался показать принципиальную интересу субъективности природы права, или, по-другому, ее принципиальный характер как образования, формируемого и существующего только за счет взаимодействия, взаимопонимания, согласия людей на основе общей смысловой понятности. Как пишет сам автор, «право рассматривается... как сфера человеческого взаимодействия и взаимопонимания, согласия и компромисса, свободы и ответственности, равенства и справедливости... Право отнюдь не всегда представляет собой результат полного согласия и вершину справедливости, но хотя бы минимальное согласие и справедливость есть необходимая предпосылка

---

⁵ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004.

права».⁶ Кроме того, смещение главного в праве (сознательно уходим здесь от использования термина «сущность») с эссенциальных, сущностных образований (воля государства, естественные права, социальные конвенции) на аспект коммуникации позволило А. В. Полякову обосновать надгосударственную природу права, при этом не перейдя на естественно-правовые позиции. Онтогенез права, по мнению ученого, осуществляется на когнитивном уровне, на уровне смыслового восприятия субъектов права в отношении (в коммуникации. — *В. П.*), в то время как существование права всегда связано с актуализированными правами и обязанностями (которые уже осмыслены. — *В. П.*) в деятельной форме.⁷ Правовая коммуникация требует наличия трех компонентов: 1) правовые тексты (знаковое выражение права), 2) субъекты права, и 3) реальная деятельность субъектов права. Субъекты права осуществляют интерпретацию правовых текстов и совершают юридически значимую деятельность — такова условная схема правовой коммуникации.

Следует отметить, что адекватное понимание коммуникативной теории права, равно как и любой постклассической правовой концепции, невозможно без знания ряда понятий постклассической гуманитаристики, разработанных и ставших сегодня общепринятыми в мировой мысли. Этот ряд включает такие понятия, как текст, смысл, событие, коммуникация, диалог, Другой, интерсубъективность, знак, интерпретация, специальные понятия, разработанные М. Хайдеггером, и др. В рамках философских концепций второй половины XX в. через эти понятия была по-новому описана социальная реальность, вернее, мы бы сказали, ее описание было утончено и нюансировано, вследствие чего открылась сложность социального и жизненного мира по сравнению с тем представлением, которое было сформировано в Новое время. Таким образом, если пытаться подойти к постклассической правовой концепции вне данного ряда понятий, адекватного понимания не получится. Именно поэтому нередко критика постклассических правовых концепций не является конструктивной, поскольку предпринимается с других эпистемологических позиций, в обход постклассического языка и т. д.

Значение коммуникативной теории права мы усматриваем в нескольких аспектах. Во-первых, концепция профессора Полякова А. В. была одной из первых, а, учитывая издание курса лекций, фактически первой русскоязычной постклассической разработкой в правоведении, которая дала опыт и представление о возможности мыслить правовую реальность в постклассическом контексте. Коммуникативная теория права стала своего рода интеллектуальной витриной русскоязычного постклассического правоведения. Во-вторых, во многом именно формирование петербургской школы философии права позволило установить контакты с западными коллегами-теоретиками и философами права, найти общий язык в обсуждении тех или иных проблем юридической науки. В-третьих, формирование самостоятельного направления через коммуникативную теорию права позволило молодым исследователям смелее работать с постклассической методологией. В целом значение коммуникативной теории права сложно переоценить, несмотря на продолжающуюся критику со стороны представителей классических подходов в правовой теории.

⁶ Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27.

⁷ См. подробнее: Там же. С. 35.

Постклассическая антропология права и теория правовой коммуникации: правовой человек и правовая коммуникация. Наряду с коммуникативной теорией права, разрабатываемой профессором А. В. Поляковым, в поле постклассической правовой методологии сегодня ведется активная работа в рамках антропологии права, также претендующей на обоснование и разработку альтернативного методологического языка описания правовой реальности.⁸ Сразу следует сказать, что обе концепции весьма близки, так сказать, по своему духу, они оперируют одним и тем же рядом понятий классической и постклассической юриспруденции, по многим позициям взгляды представителей этих двух направлений идентичны. Как выразился профессор И. Л. Честнов — один из разработчиков-основателей постклассической социокультурной антропологии права, — представители этих направлений входят в своего рода «незримый колледж» современной постклассической правовой мысли.

И все же, несмотря на общее методологическое единство, антропология права и коммуникативная теория права имеют и различия. Многие из них, видимо, пока еще принципиально не могут быть прояснены из-за того, что сегодня все еще продолжается как разработка цельной и законченной антропологии права, так и совершенствование, дошлифовка тех или иных положений коммуникативной теории права А. В. Поляковым. Более того, антропология права, видимо, также не может быть сформулирована в рамках одного учебника — скорее следует вести речь о едином направлении антрополого-правовых исследований, об антропологической научной программе. Поэтому ниже мы остановимся на некоторых общих сравнительных характеристиках коммуникативной теории права и антропологии права, исходя из личных разработок, которые проводились нами в последние годы и нашли отражение в некоторых публикациях.⁹ В качестве опорных для сравнения понятий-концептов используем центральные в обоих подходах понятия — соответственно, «правовой человек» и «правовая коммуникация».

Нет сомнений в том, что идея правовой коммуникации и идея правового человека находятся в одном методологическом пространстве и обладают аппаратной совместимостью. Один концепт легко встраивается в другой и наоборот. Вместе с тем акценты в концепциях сделаны на различных правовых категориях: в коммуникативной теории — на правовой коммуникации (которая, напомним, не есть правовое отношение), в антропологии права — на правовом человеке (который также не отождествляется с категорией субъекта права). Это означает прежде всего, что А. В. Поляков в качестве концептуального ядра правовой теории помещает правовую коммуникацию между субъектами права, сам интерсубъективный процесс, в то время как антропология права, по крайней мере в нашем понимании, должна заниматься, в первую очередь, самим субъектом права, точнее,

---

⁸ Подробно см.: *Социокультурная антропология права*. Коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015.

⁹ Павлов В. И. 1) Энергично-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // *Правоведение*. 2012. № 2. С. 14–39; 2) Кризис классической теории правовых ценностей и современная антропология права // *Право в современном белорусском обществе*. Сб. науч. трудов / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редколл.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 9. С. 72–80; *Социокультурная антропология права*. Коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. С. 10–84, 109–116. С. 331–338.

агентом правового существования, которого условно можно назвать правовым человеком.¹⁰

В коммуникативной теории права субъект права, сторона правовой коммуникации также берется в расчет, однако специфическим образом. Субъект права является предикатом правовой коммуникации, поскольку, как полагает А. В. Поляков, природа права не антропологична, а intersubъективна. Антропология права же в принципе не оспаривает это положение, однако только в том случае, когда право понимается в модальности чуждости. Прежде всего, антропология права интересуется самими условиями и процессом правового существования субъекта права, и даже правовая коммуникация рассматривается здесь без потери антропологических содержаний — без смещения акцента с субъекта на коммуникацию. На сегодняшний день, насколько нам известно, процесс взаимодействия субъектов права в рамках антропологии права наиболее подробно описан И. Л. Честновым,¹¹ однако антропологический проект Ильи Львовича также близок к социально-антропологическому контексту, что, в принципе, сближает постановку проблемы о коммуникации и субъекте в его концепции с теорией А. В. Полякова.

Рассмотрение А. В. Поляковым правовой коммуникации в качестве своего рода эпистемологического ядра правовой теории накладывает определенные связанности на описание ученым и субъекта права. В самом общем виде, если мы правильно понимаем исходную посылку Андрея Васильевича, субъект права понимается им через перспективу другого [человека] (в коммуникации). Концепт Другого достаточно известен в современной гуманитаристике и является довольно продуктивным. Однако интерпретация Другого имеет довольно широкие вариации. «Коммуникацию, — говорит А. В. Поляков, — необходимо рассматривать как первичный и основной факт социальной жизни, факт, заставляющий *смотреть на человека через перспективу другого человека*. Если это не так, то никакая коммуникативная теория права невозможна» (курсив наш. — В. П.).¹² Антропология же права несколько по-иному относится к субъекту права и процессу его конституирования. Прежде всего, само введение концепта «правовой человек» имело целью освободить описание и понимание человека в формально-правовом отношении (пусть даже и в правовой коммуникации) из-под власти когнитивного поля коррелирующих прав и обязанностей, правовых смыслов, извлеченных ими из правовых текстов. Антропология права настаивала на досубъектном и, следовательно, докоммуникативном (!) процессе формирования опыта правового существования, не отвечая при этом на вопрос о том, «что есть» или «что не есть право». Именно поэтому и был введен еще один специальный концепт, названный нами «правовая субъективация».¹³ Дело не в том, что правовая коммуникация утрачивает здесь свою значимость, а в том, что антропология права осуществляет дескрипцию правовой реальности по-другому. Возможно, есть смысл

¹⁰ Павлов В. И. «Смерть» субъекта права, или К вопросу о необходимости новой концепции «правового человека» // Философия права. 2010. № 3. С. 20–24.

¹¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012.

¹² Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 30.

¹³ Павлов В. И. От субъекта права к правовой субъективации (к началам энергично-правового дискурса) // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. Коллективная монография / отв. ред. А. А. Дорская. СПб., 2012. С. 115–133.

говорить о взаимной дополнительности антропологического и коммуникативного аспектов, однако при условии соблюдения предметных границ.

Еще одним вопросом, который также находится в центре антрополого-правового анализа, является вопрос о движителе правового человека в правовой реальности, либо, в коммуникативной теории права, — вопрос о мотивах и условиях вступления субъектов права в правовую коммуникацию. Как отмечает А. В. Поляков, «условием правовой коммуникации является не столько содержание информации и даже не столько ее пре-скриптивная форма, сколько *убеждающая сила*, без которой невозможна сама правовая коммуникация как практическое взаимодействие (курсив наш. — В. П.)».¹⁴ Однако вопрос об условиях или мотивах вступления в правовую коммуникацию с антропологической позиции является по своей природе докоммуникативным — он является вопросом антропологическим. Р. Иеринг, Н. М. Коркунов, советские теоретики права — марксисты давали свои, известные нам ответы на данный вопрос, однако, думается, как для антропологии права, так и для коммуникативной теории права указанный вопрос пока остается открытым. Возможно, именно по этой исследовательской линии и возможен концептуальный обмен между двумя постклассическими концепциями.

Заключение. В завершение хотелось бы несколько слов сказать о юбиларе и из личного опыта общения с Андреем Васильевичем. На наш взгляд, ученого отличает научное нелицеприятие, что сегодня не часто можно встретить. Возможность быть открытым, принять позицию другого в наше время дорогого стоит, и это, кстати, сугубо коммуникативная характеристика. Политика журнала «Правоведение», главным редактором которого является Андрей Васильевич, проводится в таком же ключе: в журнале публикуются оригинальные научные исследования, которые с традиционных позиций можно было бы смело именовать «неправильными теориями», своего рода маргиналиями, которые, как правило, даже у ярых критиков таких теорий нередко рождают новые идеи. В принципе, открытость и постоянная готовность к диалогу это и есть основное свойство коммуникации, которое и исповедует наш автор. Создается впечатление, что своей коммуникативной теорией права А. В. Поляков хочет повернуть людей друг к другу, сделать их ближе, в подтверждение чего и приведем выбранные нами четыре ярких иллюстрирующих пассажа из коммуникативной теории права:

- «право есть только там, где люди убеждены в том, что оно есть»;
- «право становится частью жизненного мира»;
- «вне коммуникации право вообще невозможно»;
- «право — это и есть правовая коммуникация».

Соглашаться с этими пассажами или нет — каждый решает самостоятельно, однако нет сомнений в том, что коммуникативная теория права уже по факту вошла в историю правовой мысли и заняла достойное место в традиции русской философии и теории права.

---

¹⁴ Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 37.